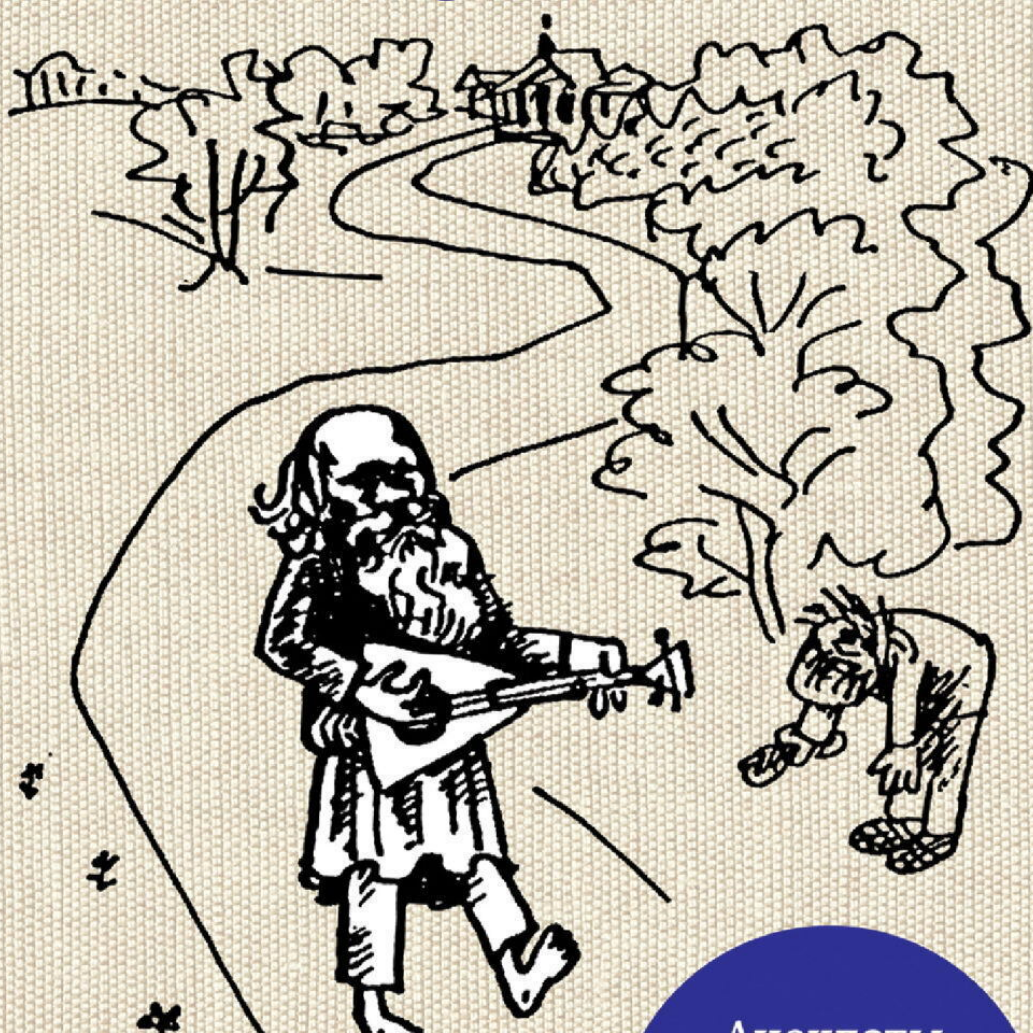

Наталья Доброхотова-Майкова
Владимир Пятницкий

«Лев Толстой очень любил детей...»

РАСПРОДАЖА!

ВСЕ КНИГИ ПО ОДНОЙ ЦЕНЕ
ИЗ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДБОРКИ
ДО 12 СЕНТЯБРЯ

Искусство с блогерами

Наталья Доброхотова-Майкова

**«Лев Толстой очень любил
детей...». Анекдоты о писателях,
приписываемые Хармсу**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Доброхотова-Майкова Н. А.

«Лев Толстой очень любил детей...». Анекдоты о писателях, приписываемые Хармсу / Н. А. Доброхотова-Майкова — «Эксмо», 2020 — (Искусство с блогерами)

ISBN 978-5-04-107778-5

Распродажа! Все книги по одной цене из специальной подборки до 12 сентября. Анекдоты о русских писателях, приписывавшиеся Даниилу Хармсу, были одним из самых популярных текстов советского самиздата. Цитаты из них («Лев Толстой очень любил детей», «Тут все и кончилось», «И уехал в Баден-Баден») стали крылатыми выражениями. Долгие годы их подлинные авторы, иллюстрации и настоящая история оставались неизвестными. В данном издании впервые собраны подлинная рукопись с авторскими рисунками, история создания, литературные и искусствоведческие комментарии, а также интервью многих наших современников.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-107778-5

© Доброхотова-Майкова Н. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	7
Часть II	94
Наталья Доброхотова-Майкова	95
Николай Котрелев[8]	100
Александр Кобринский[9]	102
Часть III	105
Как мы их читали, пересказывали, любили и приписывали Хармсу[11]	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

**Наталья Доброхотова-
Майкова, Владимир Пятницкий**
«Лев Толстой очень любил детей...»
*Анекдоты о писателях,
приписываемые Хармсу*

Авторы статей: Дединский С., Березин В., Бодэ М., Кузовкин Г., Соловьев С., Котрелев Н.

Составитель выражает благодарность *Илье Симановскому* и *Дмитрию Сичинаве* за помощь и советы при подготовке этого издания.

Наталья, Татьяна и Валентина Доброхотова-Майковы посвящают эту книгу своим детям и внукам.

Иллюстрации на форзацах: фотографии масок русских писателей, автор – Владимир Пятницкий (в коллекции семьи Доброхотовых-Майковых)

© Текст, иллюстрации Доброхотова-Майкова В. В., 2020

© Текст, Софья Багдасарова, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Памяти Владимира Пятницкого

Перед вами – один из самых любопытных маргинальных текстов советского времени. Он в огромном количестве копий гулял в самиздате, но в полном, оригинальном виде до сих пор его не издавал никто. У него даже нет узнаваемого названия – авторское «Веселые ребята» не прижилось, «Анекдоты о писателях» звучит расплывчато, а ведь еще есть «хармсинки», «псевдо-Хармс» или даже «Фальшивый Хармс». Для представителей трех или даже четырех поколений он стал источником универсальных цитат, набором «мемов» еще доинтернетовской эпохи на все случаи жизни. Выражения «Лев Толстой очень любил детей», «и уехал в Баден-Баден», «и в глаза посмотрел со значением», «тут все и кончилось», как пароль, помогали мало-знакомым людям мгновенно опознать своих, а стилистика анекдотов о знаменитостях вызвала бесчисленное количество подражаний.

А еще его история – настоящий литературный детектив. В 1971–1972 годах два художника – Владимир Пятницкий и Наталья Доброхотова-Майкова – без серьезных намерений забавлялись стебом над русскими классиками, следуя в этом примеру Хармса. Так и родились «Веселые ребята». Друзья взяли рукопись почитать, текст вызвал у них восторг, рукопись размножили. Дальше текст начал распространяться будто бы сам собой, самыми различными способами. А подлинные авторы оказались позабытыми – титульный лист утратился при бесчисленных воспроизведениях, авторство Хармса так и прилипло. В 1990-е годы эти анекдоты широко печатали в газетах и даже в книгах под именем великого обэриута. Самозародилась литературная мистификация – по слухам, «псевдо-Хармс» чуть было не проник в собрание сочинений писателя как подлинник. Потом случился сеанс разоблачения, только со знаком

плюс – друзья настоящих создателей отстаивали их авторство, публикуя «письма в редакцию» и т. п. Тем не менее, как выяснилось при подготовке данного издания, немало поклонников анекдотов до сих пор считают их сочинением Даниила Хармса.

Эта книга – не просто красиво оформленное издание культового текста самиздата. В оригинале эти анекдоты составляли единое целое с юмористическими рисунками, которые тоже потерялись при многочисленных копированиях. Для многих из тех, кто знает «псевдо-Хармса» наизусть, эти иллюстрации станут приятным сюрпризом. Кстати, один из соавторов – Владимир Пятницкий – известный художник-нонконформист, выставившийся на «Бульдозерной выставке». Об этом тоже мало кто знает.

Нужна ли эта книга тем, кто не помнит этих анекдотов или не понимает их юмора? Да, потому что они, несмотря на свой крохотный совокупный размер, заняли какое-то несопоставимо огромное место в истории русской устной культуры. Этим изданием мы хотим зафиксировать почетное место «литературного памятника» позднесоветской эпохи. Помимо комментариев к анекдотам, в книге нашлось место описанию порожденной ими огромной устной традиции, унаследованной самиздатом и интернет-фольклором. А небольшие интервью самых различных людей о знакомстве с «Веселыми ребятами» внезапно превратились в разноплановую панораму советского и постсоветского быта, свидетельством духовной потребности в ином взгляде на забронзовевших классиков русской литературы.

Редактор-составитель

Софья Багдасарова

Часть I

Анекдоты в картинках

Подавляющее большинство поклонников этих анекдотов узнали о них благодаря самиздату или в устном пересказе. И не ведают, что сначала они сопровождались авторскими иллюстрациями, как своего рода книга комиксов (правильнее сказать – *livre d'artiste*, «книга художника» – особый жанр графики).

Это связано с тем, что в СССР любая копировальная техника и все, кто к ней имел доступ, находились под жестким контролем государства. В 1970-е годы рукопись с рисунками сперва расходилась при помощи фотокопирования, но позже, в связи с трудоемкостью этого метода, текст стали просто перепечатывать на печатных машинках, а затем – множить на первых компьютерах в советских НИИ. Таким образом, рисунки для массового читателя были полностью утрачены.

Сегодня рукопись с рисунками, представляющая собой обычный небольшой блокнот в обложке, хранится у Натальи Доброхотовой-Майковой. Это первое полное издание рукописи.

1.

ВЕСЁЛЫЕ

РЕБЯТА

2.

рисунки В. Пятницкого
текст Н. Доброхотовой-
Майковой
и В. Пятницкого

71 - 72 г.

3.

№ 1

Однажды Гоголь
переоделся Пуш-
киным и пришёл в
гости к Льву Толс-
тову. Никто не уди-
вился, потому что
в это время Ф. М.
Достоевский, ца-
рство ему небесное.

4.

5.

№ 2

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ
ИГРАТЬ НА БАЛАЛАЙКЕ (И, КОНЕЧНО,
ДЕТЕЙ). НО НЕ УМЕЛ.
БЫВАЛО ПИШЕТ РОМАН ВОЙНА
И МИР, А САМ ДУМАЕТ: ТЕН-
ДЕР-ДЕНЬ-ТЕР-ДЕНЬ-ДЕНЬ-ТЕНЬ!..
ИЛИ: БРАМ-ПРАМ-ДАМ-ДАРАРАМ-
ПАМ-ПАМ!..

6.

НИКОЛАЙ I НАПИСАЛ СТИХО-
ТВОРЕНИЕ НА ИМЕНИНЫ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ. НАЧИНАЕТСЯ ТАК:

Я помню чудное мгновенье...
и тому подобное ДАЛЬШЕ.
ТУТ К НЕМУ ПРИШЁЛ ПУШКИН
И ПРОЧИТАЛ...

7.

8.

№ 3

А ВЕЧЕРОМ В САЛОНЕ У ЗИ-
НАИДЫ ВЭЛКОНСКОЙ ИМЕЛ
ЧЕРЕЗ НИХ БОЛЬШОЙ УСПЕХ,
ВЫДАВАЯ, КАК ВСЕГДА, ЗА СВОИ.
ЭТО ЗНАЧИТ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ У ЧЕЛОВЕКА БЫЛА.

9.

- ПУШКИН !

ГДЕ ТЫ ?

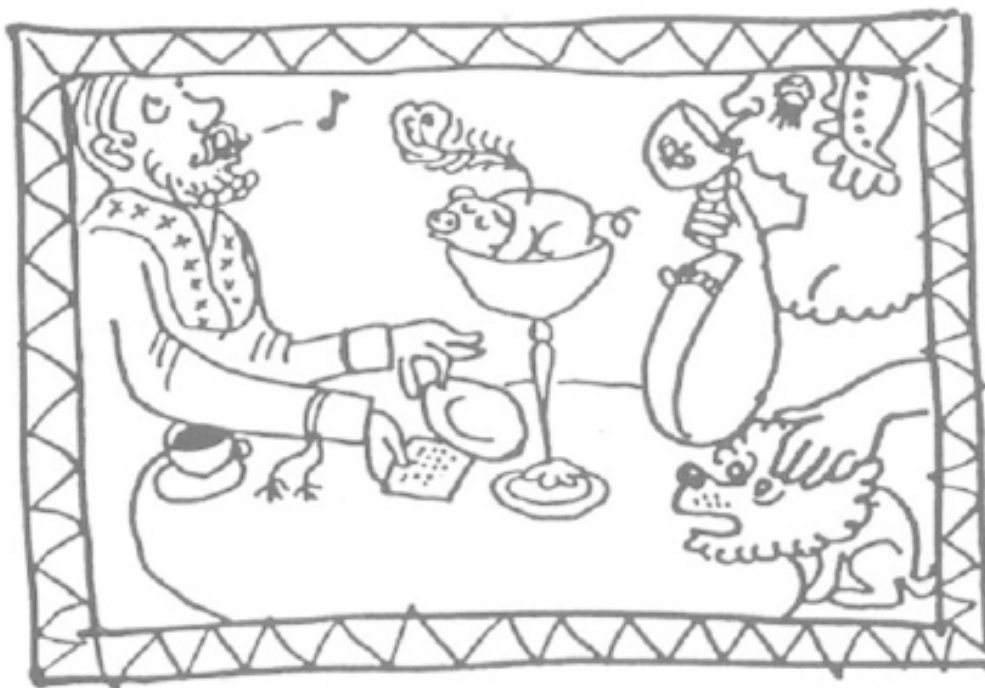
10.

СЕЛ ГОГОЛЬ НА КИБИТКУ
И ПОСКАКАЛ НИВЕСТЬ КУ-
ДА В ИЩЕЗАЮЩУЮ ДАЛЬ.

11

И ВОТ УТРОМ, КОГДА АЛЕКСАНДРА ФЁДОВНА КОФЕ ПЬЁТ, ЦАРЬ-СУПРУГ ЕЁ СВОЮ БУМАЖКУ ПОДСОВЫВАЕТ ПОД ЕЁ БЛЮДЕЧКО

ОНА ЭТО ПРОЧИТАЛА И ГОВОРIT
-АХ, КОКО', КАК МИЛО, ГДЕ ТЫ
ДОСТАЛ, ЭТО ЖЕ СВЕЖИЙ ПУШКИН!

ОДНАЖДЫ ФЁДОР МИХАЙЛО-
ВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ, ЦАРСТВО
ЕМУ НЕБЕСНОЕ, НАБЛЮДАЛ
ЛЮБОВЬ БЕГЕМОТОВ.

ВИДИТ - ПОЛУЧАЮТСЯ ЦВЕТЫ,
И ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ, КАКОГО
ПОЛА. ПУСКАЙ, ДУМАЕТ, ЖЕНСКИЙ
ПОЛ БУДЕТ

А МУЖСКОЙ ПОЛ БУДЕТ

ТОГДА ЕСЛИ

$$\begin{array}{c} A \\ \triangle \\ C \end{array} + \begin{array}{c} B \\ \triangle \\ A \end{array} = \begin{array}{c} A \quad B \\ \triangle \\ A, C \end{array}, \text{ и будет}$$

ЖЕНСКИЙ ПОЛ, А ЕСЛИ

$$\begin{array}{c} C \\ \triangle \\ A \end{array} + \begin{array}{c} C \\ \triangle \\ B \end{array} = \begin{array}{c} C, C \\ \triangle \\ A, A \end{array}, \text{ ТО БУДЕТ,}$$

НИЧЕГО СЛОЖНОГО В ЭТОЙ НАУКЕ НЕТ. МУЖСКОЙ.

13

ПУШКИН ПОЁТ
А У ГОГОЛЯ НЕ КЛЮЁТ

14

№ 5

Однажды Пушкин написал
письмо Равиндранату Тагору.

«Дорогой далекий друг, — писал он
— я Вас не знаю, и вы меня не
знаете. Очень хотелось бы познако-
миться. Всего хорошего. Саша.»

Когда письмо принесли, Тагор
предавался самосозерцанию. Так
погрузился, хоть режь его. Жена
толкала-толкала, письмо подсовыва-
ла — не видит. Он, правда, по русски
читать не умел.

Так и не познакомились.

15

16

№ 6

Лев Толстой очень любил детей. Бывало, привезет в кабриолете штук пять и всех гостей оделяет. И надо же — вечно Герцену не везло: то вшивый достанется, то кусачий. А попробуй поморщиться — схватит костыль и трах по вашке!

Пушкин шел по Тверскому
бульвару и встретил красивую
даму. Подмигнул ей, а она как
захохочет! «Не обманете, —
говорит — Николай Васильевич!
Лучше отдайте три рубля, что
давеча в буримэ проиграли.»

Пушкин сразу догадался, в чем
дело. «Не отдам, — говорит, — дура!»
Показал язык и убежал.

Что потом Гоголю было!

Лев Толстой жил на площади Пушкина, а Герцек — у Никитских ворот. Обоим по литературным делам часто приходилось бывать на Тверском бульваре. И уж если встретятся — беда: погонится и хоть раз, да врежет костылем по башке. А бывало и так, что впятером оттаскивали, а Герцена из фронта на водой в чувство приводили.

Вот почему Пушкин к Вяземскому-то в гости ходил, на окошке сидел. Так этот дом потом и назывался — дом Герцена.

Шел Пушкин по Тверскому бульвару и увидел Чернышевского. Подкрался и идет сзади. Мимомодущие литераторы кланяются Пушкину, а Чернышевский думает — ему. Радуетя. Достоевский прошел — поклонился, Помялович, Григоровский — поклон, Гоголь прошел — засмеялся так и ручкой сделал привет — тоже приятно. Тургенев — реверанс. Потом Пушкин ушел к Вяземскому чай пить. А тут навстречу Толстой — молодой еще был, без бороды, в эполетах. И не посмотрел даже. Чернышевский потом написал в дневнике:

"Все писатели хоро-
шие, а Толстой хам.
Потому что граф."

Гоголь читал драму Пушкина
«Борис Годунов» и приговари-
вал: – «Ай да Пушкин!
Действительно, сукин сын!»

Достоевский пошел в гости к Гоголю. Позвонил. Ему открыли. «Что вы, — говорят, — Федор Михайлович, Николай Васильевич уж лет пятьдесят как умер.»

«Ну и что же, — подумал Достоевский, царство ему небесное, — я ведь тоже когда-нибудь умру.»

У Лермонтова было много собак, а одна — лучше всех. Он хотел ее выучить всяким штукам и подарить Пушкину. Целый день, бывало, кричит: «Тубо! Пиль! Апорт!» Собака воет — ужас!

Раз выглянул в окно, а там вся компания — и Гоголь, и Толстой, и Достоевский, и Тургенев. Стоят, слушают. Подходит городской. «Что, — спрашивает, — за шум из сей квартиры?» «А это — они ему, — это, извольте видеть, Лермонтов собаку учит, хочет Пушкину подарить.»

Лермонтов расстроился и ...
(см. рис.)

23

26

№ 13

Лев Толстой очень любил детей. Утром проснется, поймает какого-нибудь, и гладит по головке, пока не позовут завтракать.

Тургенев мало того что от природы был робок, его еще Пушкин с Гоголем совсем затюкали. Проснется ночью и кричит: „Мама!“ Особенно под старость.

Однажды Гоголь переоделся
Пушкиным, пришел к Пушки-
нину и позвонил. Пушкин
открыл ему и кричит:
«Смотри-ка, Арина Родио-
новна, я пришел!»

Лев Толстой очень любил детей. За обедом он им все сказки рассказывал, истории, с моралью для поучения.

Бывало, все уже консоме с
пашотом съели, профитроли,
устриц, бланманже, пломбир –
а он все первую ложку супа
перед бородой держит, рас-
сказывает. Мораль выведет –
и хлоп ложкой об стол!

Однажды Гоголь шел по
Тверскому бульвару (в своем
виде) и встретил Пушкина.
«Здравствуй, Пушкин,— говорит,
— что ты все стихи да стихи
пишешь? Давай вместе
прозу напишем.»

«Прозой только
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
..... Хорошо,»—
возразил Пушкин.

32

33

№ 18

Лермонтов хотел у Пушкина жену увезти. На Кавказ. Все смотрел на нее из-за колонны, смотрел... Вдруг устыдился своих желаний. — Пушкин, — думает, — зеркало русской революции, а я — свинья. — Пошел, встал перед ним на колени и говорит: — Пушкин, — говорит, — где твой кинжал? Вот грудь моя! — Пушкин очень смеялся.

Лев Толстой и Ф. М. Достоевский поспорили, кто лучше роман напишет. Судить пригласили Тургенева. Толстой привезал домой, заперся в кабинете и начал скорей писать роман – про детей, конечно (он их очень любил). А Достоевский сидит у себя и думает:

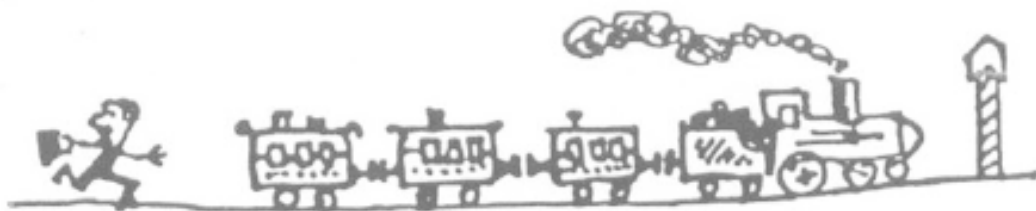
«Тургенев – человек ровкий. Он сейчас сидит у себя и думает: „Достоевский – человек нервный. Если я скажу, что его роман хуже, он и зарезать может.“ Что же мне стараться? (это Достоевский думает). Напишу нарочно

похуже, все равно денежки мои будут (на сто рублей спорили)."

А Тургенев в это время сидит у себя и думает:

"Достоевский – человек нервный. Если я скажу, что его роман хуже, он и заре-зать может. С другой стороны, Толстой – граф. Тоже лучше не связываться. Ну их совсем!"

И в ту же ночь потихоньку уехал в Баден-Баден.

36

37

№ 20

Лев Толстой очень любил
детей, и все ему мало было.
Приведут полную комнату,
шагу ступить негде — а он
все кричит: еще! еще!

Однажды Пушкин решил испугать Тургенева и спрятался на Тверском Бульваре под лавкой. А Гоголь тоже решил в этот день испугать Тургенева, переоделся Пушкиным и спрятался под другой лавкой. Тут Тургенев идет. Как они оба выскочат!

Однажды Пушкин стрелялся с
Гоголем. Пушкин говорит:
— Стреляй первый ты.
— Как ты? Нет, я!
— Ах, я? Нет, ты!
Так и не стали стреляться.

Лев Толстой очень любил
детей, а взрослых терпеть
не мог, особенно Герцена.
Как увидит, так и бросается
с костылем, и все в глаз
норовит, в глаз. А тот
делает вид, что ничего не
замечает. Говорит: „Ой,
Толстой, ой!“

Пушкин сидит у себя и
думает: «Я гений — ладно.
Гоголь тоже гений. Но ведь
и Толстой гений, и Достоев-
ский, царство ему небесное,
гений! Когда же это кон-
чится?»

Тут все и кончилось.

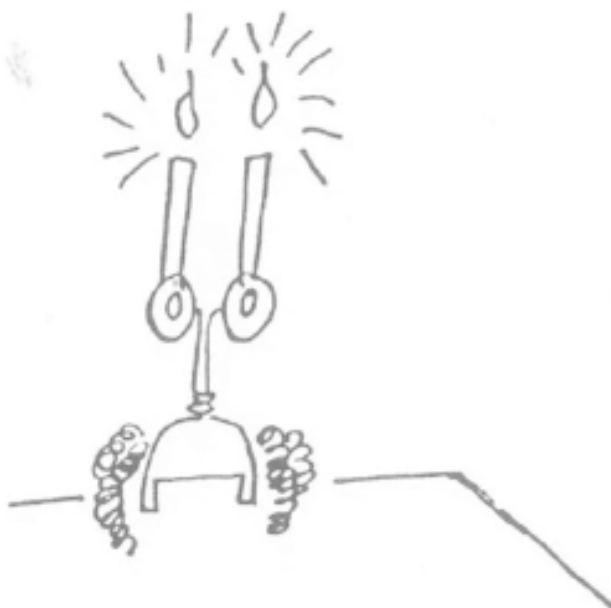
Однажды Гоголь переоделся
Пушкиным и пришел в
гости к Майкову. Майков
усадил его в кресло и уго-
щает пустым чаем. „Пове-
рите, ли, — говорит, — Александр
Сергеевич, куска сахара в
доме нет. Давеча Гоголь
приходил и весь сахар съел.“
Гоголь ничего ему не
сказал.

Лермонтов был влюблен
в Наталью Николаевну Пушкину
но ни разу с ней не разгова-
ривал. Однажды он вывел
своих собак погулять на
Тверской вульвар. Ну, они,
натурально, визжат, кусают
его, всего испачкали. А тут-
она на встречу, с сестрой
Александриной. «Посмотри, —
говорит, — машер, охота неко-
торым жизнь себе осложнять!
Лучше уж детей держать
побольше!»

Лермонтов аж плюнул про
себя. «Ну и дура, — думает, —

Мне такую даром не надо!
С тех пор и не мечтал больше
увезти ее на Кавказ.

Однажды Гоголю подарили канделябр. Он сразу нацепил на него бакенбарды и стал дразниться. «Эх ты, — говорит, — лира недоделанная!»

Тургенев хотел быть храбрым, как Лермонтов, и пошел покупать саблю. Пушкин проходил мимо магазина и увидел его в окно. Взял и закричал нарочно: «Смотри-ка, Гоголь (а никакого Гоголя с ним вовсе и не было), смотри-ка, Тургенев саблю покупает! Давай мы с тобой ружье купим!»

Тургенев испугался и в ту же ночь уехал в Баден-Баден.

У Вяземского была квартира окнами на Тверской бульвар. Пушкин очень любил ходить к нему в гости. Придет — и сразу прыг на подоконник, свесится из окна и смотрит. Чай ему тоже туда, на окно, подавали. Иной раз там и заночует. Ему даже матрас купили специальный, только он его не признавал. «К чему, — говорит, — такие роскоши!» — и спихнет матрас с подоконника. А потом всю ночь вертится, спать не дает.

Однажды Ф.М.Достоевский,
идя к себе в небесное, пой-
мал на улице кота.

Ему было надо живого кота
для романа. Бедное животное
пищало, визжало, хрипело и за-
катывало глаза, потом притво-
рилось мёртвым; тут он его отпус-
тил. Обманщик укусал бедно-
го в свою очередь писателя за но-
гу и скрылся.

ТАК ОСТАЛСЯ НЕВОПЛОЩЁННЫМ
ЛУЧШИЙ РОМАН ФЁДОРА МИХАЙ-
ЛОВИЧА, ЦАРСТВО ЕМУ НЕБЕСНОЕ,
'БЕДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ'. ПРО КОТОВ.

50

51

№ 31

Однажды Гоголь переоделся
Пушкиным, сверху нацепил маску
и поехал на бал-маскарад. Там
к нему подпорхнула прелестная
дама, одетая Баядерой, и сунула
ему записочку: "Je vous aime."
Гоголь читает и думает: "Если
это мне как Гоголю — что, спра-
шивается, я должен делать?
Если же это мне как Пушкину —
как человек порядочный, не могу
воспользоваться. А что, если это
всего лишь шутка юного создания,
избалованного всеобщим поклоне-
нием? А, ну ее!" И бросил
записку в помойку.

Однажды у Достоевского
засорилась ноздря. Стал
продувать – лопнула перепонка
в ухе. Заткнул пробкой –
оказалась Велика, череп
треснул. Связал веревочкой –
смотрит, рот не открывается.
Тут он проснулся в недоуме-
нии, царство ему небесное.

Лев Толстой очень любил детей и писал про них стихи. Стихи эти списывал в отдельную тетрадку. Однажды после чаю подает эту тетрадку жене: «Гляньте, Софи — правда, лучше Пушкина?» — а сам сзади костыль держит. Она прочитала и говорит: «Нет, Левушка — гораздо хуже. А чье это?». Тут он ее костылем по Башке — Трах! С тех пор во всем полагался на ее литературный вкус.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришел в гости к Вяземскому. Выглянул случайно в окно и видит — Толстой Герцена костылем лупит, а кругом детишки стоят, смеются. Он пожалел Герцена и заплакал.

Тогда Вяземский понял, что перед ним не Пушкин

55

56

№ 35

Однажды Гоголь написал роман. Сатирический. Про одного хорошего человека, попавшего в лагерь на Колыму. Начальника лагеря зовут Николай Павлович (намек на царя). И вот он с помощью уголовников травит этого хорошего человека и доводит его до смерти. Гоголь назвал роман „Герой нашего времени“. Подписался: „Пушкин“. И отнес Тургеневу, чтобы напечатать в журнале.

Тургенев был человек ровный. Он прочел роман и покрылся холодным потом. Решил скорее все отредактировать. И отредактировал.

Место действия он перенес на Кавказ. Заключенного заменил

офицером. Вместо уголовников у него стали красивые девушки, и не они обижают героя, а он их. Николая Павловича он переименовал в Макеим Максимыча. Зачеркнул „Пушкин“, написал „Лермонтов“. Поскорее отправил рукопись в редакцию, отер холодный пот и лег спать.

Вдруг посреди сладкого сна его пронзила кошмарная мысль. Название! Название-то он не изменил! Тут же, почти не одевая он уехал в Баден-Баден.

Лермонтов любил собак. Еще он любил Наталью Николаевну Пушкину. Только больше всего он любил самого Пушкина. Читал его стихи и всегда плакал. Поплачет, а потом вытащит саблю и давай рубить подушки!

Тут и любимая собака не попадается под руку – штук сорок так-то зарубил!

А Пушкин ни от каких стихов не плакал. Ни за что.

Однажды Гоголь переоделся
Пушкиным, сверху нацепил
львиную шкуру и поехал в
маскарад. Ф. М. Достоевский,
царство ему небесное, увидел
его и кричит: «Спорим – это
Лев Толстой! Спорим – это Лев
Толстой!»

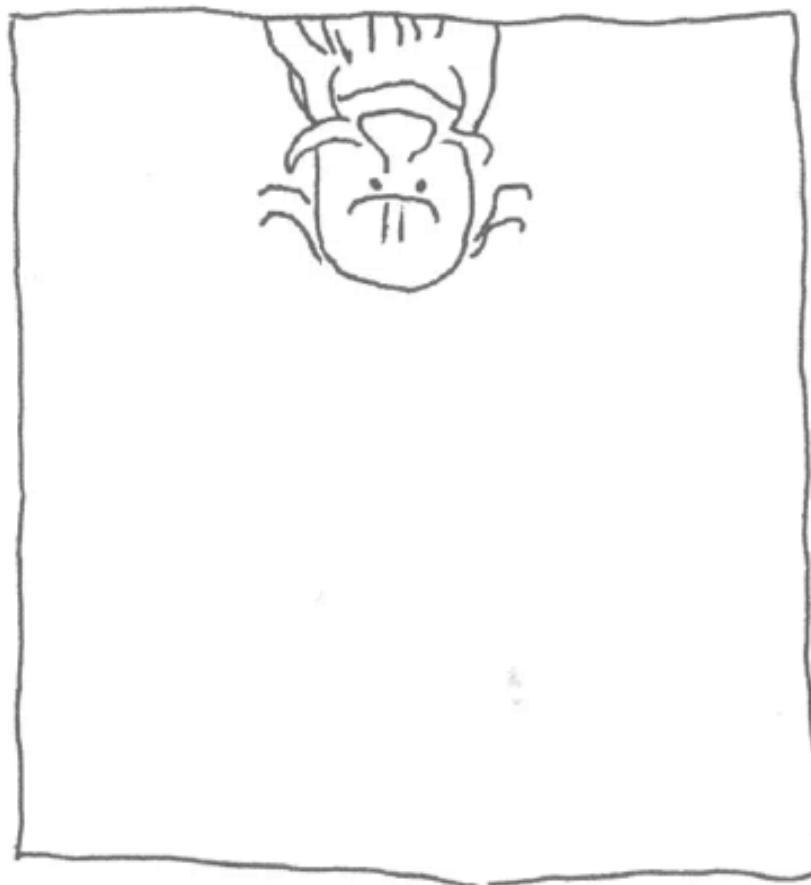
Гоголь только под конец
жизни о душе задумался, а
смолоду у него вовсе совести
не было. Однажды невесту
в карты проиграл. И не отдал.

Однажды Гоголь переоделся
Пушкиным и пришел в гости
к Державину, Гавриле Романовичу.
Старик, уверенный, что перед
ним и впрямь Пушкин, сходя
в гроб, благословил его.

Счастливо избежав однажды встречи со Львом Толстым, идет Герцен по Тверскому Бульвару и думает: — «Все же жизнь иногда прекрасна». Тут ему под ноги — огромный черный котище — и враз сбивает с ног! Только встал, отрясает с себя прах — налетает свора черных собак, бегущая за этим котом, и вновь повергает на землю. Вновь поднялся будущий издатель «Колокола» — и видит: навстречу на вороном коне гарцует сам владелец собак, поручик Лермонтов. «Конец, — мыслит автор «Вылого и дум», — сейчас они разведутся, — и» Ничуть не бывало. Сдержанный привычной рукой, конь строевым шагом

проходит мимо, и только, почти уже по миновании Герцена, размахивается хвостом и — хлясь по морде! Очки, натурально, летят в кусты. «Ну, это еще полбеды», — думает бывший автор «Сороки-Воровки», отыскивает очки, водружает себе на нос — и что видит среди куста? Ехидно улыбающееся лицо Льва Толстого! Но Толстой ведь не изверг был. «Проходи, — говорит, — проходи, бедолага, — и погладил по головке.

66

67

№ 42

Ф. М. Достоевский, царство ему
небесное, Тоже очень любил
собак, но был болезненно само-
любив и это скрывал (насчет
собак), чтобы никто не мог
сказать, что он подражает
Лермонтову.

Про него и так уже много
чего говорили.

Однажды Ф.М. Достоевскому, царство ему небесное, исполнилось 150 лет. Он очень обрадовался и устроил день рождения. Пришли к нему все писатели, только почему-то наголо обритые, как сговорились. У одного Гоголя усы нарисованы. Ну, хорошо. Выпили, закусили, поздравили новорожденного, царство ему небесное. Сели играть

В винт. Сдал Лев Толстой —
у каждого по пять тузов!
Что за черт! Так не бывает!
Сдай-ка, брат Пушкин, лучше ты
я, говорит,? — пожалуйста, сдам!
И сдал. Всем по шесть тузов
и по две пиковых дамы. Ну и
дела! Сдай-ка ты, брат Гоголь!
Гоголь сдал... Ну, и знаете...
Даже нехорошо сказать. Так
как-то получилось... Нет,
право слово, лучше не надо!

Пушкин часто бывал в гостях у Вяземского, подолгу сидел на окне, все видел и все знал. Он знал, что Лермонтов любит его жену. Поэтому считал не вполне уместным передать ему лиру. Думал Тютчеву послать за границу – не пропустили: сказали: не подлежит – имеет художественную ценность. А Некрасов ему как человек не нравился.

Вздохнул и оставил лиру у себя.

Однажды Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, сидел у окна и курил. Докурил и выбросил окурочек в окно. Под окном у него была керосиновая лавка, и окурочек угодил как раз в бидон с керосином. Пламя, конечно – столбом. В одну ночь пол Петербурга сгорело. Ну, посадили его, конечно. Отсидел, вышел. Идет в первый же день по Петербургу, наветречу – Петрашевский. Ничего ему не сказал, только пожал руку и в глаза поемотрел со значением.

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он играл с ними весь день и проголодался. Пришел к жене. «Сонечка, – говорит, – ангельчик, сделай мне тюрьку.» Она возражает: – «Левушка, ты же видишь – я «Войну и мир» переписываю.» «А-а! – возопил он, – я так и знал, что тебе мой литературный фирмиам дороже моего «Я!» И костыль задрожал в его судорожной руке.

73

74

№ 47

Однажды Лермонтов купил яблок, пришел на Тверской Бульвар и стал угощать присутствующих дам. Все брало и говорили „Merci.“ Когда же подошла Наталья Николаевна с сестрой Александриной, от волнения он так задрожал, что яблоко упало из его руки к ее ногам (Нат. Ник., а не Алекс.). Одна из собак схватила яблоко и бросилась бежать. Александрина, конечно, побежала за ней.

Они были одни – впервые в жизни (Лерм., конечно, с Нат. Ник., а не Алекс. с собакой). (Кстати, она (Алекс.) ее не догнала)

75

76

№ 48

Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, страстно любил жизнь. Она его, однако, отнюдь не баловала, поэтому он часто грустил. Те же, кому жизнь улыбалась (например, Лев Толстой), не ценили этого, постоянно отвлекаясь на другие предметы. Например, Лев Толстой очень любил детей. Они же его боялись. Они прятались от него под лавку и шушукались там: «Робя, вы этого дяденьку бойтесь. Еще как трахнет костью!» Дети любили Пушкина. Они говорили: «Он веселый! Смешной такой!» И гонялись за ним босоногой стайкой. Но Пушкину было не до детей. Он любил один дом на Тверском бульваре, одно окно

В этом доме... Он мог часами сидеть на широком подоконнике, пить чай, смотреть на бульвар... Однажды, направляясь к этому дому, он поднял глаза, и на своем окне увидел – себя! С бакенбардами, с перстнем на Большом пальце! Он, конечно, сразу понял, кто это. А вы?

Однажды Лев Толстой спросил
Достоевского, царство ему небесное
— «Правда, Пушкин плохой поэт?»
— «Неправда», — хотел ответить Ф.М.
но вспомнил, что у него не открыва-
ется рот с тех пор, как он
перевязал свой треснувший череп,
и промолчал. «Молчание — знак
согласия», — сказал Лев и ушел.

Тут Федор Михайлович, царство
ему небесное, вспомнил, что все
это ему приснилось во сне. Но
было уже поздно.

Пушкин был не то чтобы ленив,
но склонен к мечтательному созер-
цанию. Тургенев же — хлопотун
ужасный, вечно одержимый жаждой
деятельности. Пушкин этим час-
тенько злоупотреблял. Бывало,
лежит он на диване; входит Тургенев.
Пушкин ему: — «Иван Сергеевич, не в
службу, а в дружбу — за пивом не
сбегаешь?» — И тут же спокойно засы-
пает обратно. Знает: не было слу-
чая, чтобы Тургенев **вернулся**. То
завежит куда-нибудь петицию подпи-
сать, то к нигилистам на заседание,
то на гражданскую панихиду. А то
испугается чего-нибудь и уедет в
Баден-Баден. Без пива же остаться
Пушкин не боялся. Слава богу, кре-
постные были. Было кого послать,

81

82

№ 51

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шел по Тверскому бульвару и увидел идущего впереди Пушкина. Пушкин, как известно, ростом был невелик. «Конечно, это уже не ребенок, это скорее подросток, — подумал Толстой. — Все равно, дай догоню и поглажу по головке.» И побежал догонять Пушкина. Пушкин же, не зная Толстовских намерений, бросился наутек. Пробегая мимо городского, сей страж порядка был возмущен неприличной быстротой в людном месте и бегом устремился вслеп с целью остановить. Западная

пресса потом писала, что
в России литераторы под-
вергаются преследованию
со стороны властей.

Снится однажды Герцену сон. Будто эмигрировал он в Лондон, и живется ему там очень хорошо. Купил он будто собаку бульдожьей английской породы. До того злющий пёс – сил нет: кого увидит, на того и бросается. И уж если достигнет, вцепится мертвой хваткой – все, можешь бежать заказывать панихиду. И вдруг будто он уже не в Лондоне, а в Москве; идет по Тверскому бульвару, чудовище свое на поводке держит, а навстречу Лев Толстой... И надо же, тут на самом интересном месте пришли декабристы и развудили.

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и задумался о душе. Что уж он там надумал, так никто никогда и не узнал. Только на другой день Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, ветрети́л Гоголя на улице – и отшатнулся: – «Что с вами, – воскликнул он, – Николай Васильевич? – У вас вся голова седая!»

Однажды во время обеда Софья Андреевна подала на стол блюдо пышных, горячих, ароматных рисовых котлеток: Лев Толстой как разозлился! „Я, — кричит, — занимаюсь самоусовершенствованием! Я не кушаю больше рисовых котлеток!“

Пришлось эту пищу богов скормить людям.

87

№ 55

Однажды Пушкин переоделся Гоголем ... тьфу, мать!

Часть II

Как анекдоты были придуманы, ушли в народ, потеряли авторов и снова их обрели

Зима 1971/1972 Владимир Пятницкий и Наталья Доброхотова-Майкова пишут и рисуют «Веселых ребят» в блокноте.

1-я пол. 1970-х Друзья соавторов делают фотокопии блокнота (с иллюстрациями).

1973 Поэтесса Кари Унксова увозит в Ленинград одну фотокопию. «Веселые ребята» начинают распространяться в кругу Анатолия Хвостенко, Анри Волохонского и др., Ленинград становится эпицентром распространения.

1978 Смерть Владимира Пятницкого.

1979 Первая (?) печатная публикация: в Париже в эмигрантском альманахе «Ковчег» под именем «Аноним (Москва)» выходит 10 анекдотов из цикла.

1980-е «Веселые ребята» благодаря самиздату окончательно ушли «в народ», потеряли титульный лист, картинки, авторское название и фамилии создателей. К ним «прилипает» имя Хармса.

2-я пол. 1980-х Хармсовед Владимир Глоцер, по слухам, чуть было не публикует «Веселых ребят» как произведение Хармса. Он приезжает к Доброхотовой-Майковой, чтобы она подтвердила свое авторство.

1988 Впервые в СССР выходит целый сборник «взрослых» произведение Даниила Хармса (книга «Полет в небеса»).

1988 Впервые в печати озвучиваются фамилии настоящих авторов (в «Советской библиографии» Николаем Котрелевым).

1991 Александр Кобринский печатает сборник Хармса «Горло бредит бритвою». В приложении помещены «Веселые ребята», фамилии авторов указаны в предисловии.

1998 Издатель Владимир Грушецкий в сотрудничестве с Доброхотовой-Майковой печатает в «Арде» первое (и на долгие годы единственное) отдельное издание «Веселых ребят» ин-кварти, в мягкой обложке, небольшим тиражом.

2010 Николай Котрелев проводит выставку, посвященную «Веселым ребятам», в Государственном литературном музее.

2010-е Доброхотова-Майкова делает репринт рукописи в размер оригинального блокнота и дарит экземпляры этого нового «самиздата» своим друзьям.

Наталья Доброхотова-Майкова Как мы писали «Веселых ребят»¹

С Володей Пятницким я познакомилась в 1956–1957 году, мы учились на одном курсе на химфаке МГУ. С химфака он вскорости ушел, но у нас в доме бывал, влюбился в мою сестру Таню², школьницу. Я химфак закончила, но по специальности работать очень быстро прекратила – стала иллюстрировать книги. Володя тоже стал художником – но другого масштаба, хотя тоже подрабатывал графиком-иллюстратором. Был он красив, застенчив, высокомерен, оригинально остроумен и очень, очень беден. Работ от него осталось немного, живописи всего ничего.

Разные вещи происходили в жизни, чуть было не произошла атомная война в 1962-м, мы уехали из центра, с улицы Маркса – Энгельса³, в Метрогородок, многих друзей то теряли, то находили. В 1971 году у Тани с Володей родилась дочка. Мы, свободные художники, сидели дома и развлекались творчеством, как могли. Так и эта книжечка появилась – зимой 1971–1972 годов.

Наталья Доброхотова-Майкова в молодости

От бесчисленных баек того времени про Кузьмича (Лукича) и Василий Ивановича «Веселые ребята» тем и отличаются, что были сразу задуманы как письменные тексты с картинками. Даже некоторым образом заказаны. Это грустная история.

¹ Первая версия этого текста под заголовком «Вместо послесловия», датированная «17 мая 1996 г.», была напечатана в издании *Доброхотова-Майкова Н. А., Пятницкий В. П. Веселые ребята (Однажды Гоголь пришел к Пушкину)*. М., Арда, 1998. С. 7–12. Дополнено и переработано при подготовке данного издания С. Багдасаровой.

² Татьяна Александровна Доброхотова-Майкова (р. 1945) – художник-иллюстратор. Подробнее о семье Доброхотовых-Майковых (и их вкладе в русскую культуру) см. [тут](#).

³ Ныне Малый Знаменский переулок, про этот дом подробнее см. [тут](#).

Было в Москве такое славное место – редакция журнала «Пионер». Редактором журнала была Наталья Владимировна Ильина, уникальная личность и уникальный редактор, 30 лет на посту, говорят, это рекорд. Уникального редактора вызвали в ЦК ВЛКСМ и сказали: «Что это вы, Наталья Владимировна, все сидите и сидите? У нас человек пять лет вашего места дожидается!» (Потерпел бы еще чуток, но Н. В. позволила себе лишнее, напечатала кого не следует – кажется, Каверина, он что-то там не то подписал. Заждавшимся был несчастный Фурин, он после спился и выпрыгнул из окна своего кабинета. С 11-го этажа.) Наталья Владимировна, конечно, сейчас же ушла на пенсию. Все понимали, что ни Н. В., ни журнал друг без друга долго не проживут. Многим предстояло искать новую работу, мне в том числе, – была внештатным художником, в «Пионере» у меня был более-менее постоянный заработок и много друзей.

Крушение отмечали с размахом. Редакция, бывшие сотрудники, любимые авторы (все сплошь знаменитости) втайне составили для Н. В. памятный рукописный номер журнала. Получилась замечательная книга, очень смешная.

Нам с Пятницким досталась рубрика «Любимая папка Коллекциони-Собирайлова», крошечная, в четверть полосы. Она появилась незадолго до этого, вел ее Евгений Рейн, откапывал где-то анекдоты про великих писателей, в основном, кажется, Марка Твена. Пушкин тоже присутствовал. Пятницкий рисовал к этим анекдотам графические миниатюры чуть побольше почтовой марки.

Этот раздел мы и воспроизвели. Сочинили две пародии:

«Федор Михайлович Достоевский хотел научиться показывать карточные фокусы и репетировал перед женой, пока несчастная женщина не потеряла терпение и не крикнула мужу: – Идиот! – подсказав тем самым сюжет знаменитого романа».

«Гоголь ни разу не видел оперу Пушкина «Борис Годунов», а очень хотелось. Вот он переоделся Пушкиным и пошел в театр. В дверях столкнулся с Вяземским, а тот и говорит: – Что это у тебя сегодня, Alexandre, нос, как у Гоголя, право!»

Приблизительно так, насколько помню.

Эти тексты, как говорится, в основное собрание не вошли, рисунки тоже. Все это происходило летом 1971 года.

Потом мы не могли остановиться. Стоило открыть рот, новая история возникала как бы сама. При этом, как нарочно, под рукой оказался блокнот подходящего размера. Кажется, его выдали на конференции кому-то из знакомых, а он мимоходом оставил у нас. Все, что сочинялось, записывали сразу набело, и так же Пятницкий рисовал картинки. Все рисунки – его. Текстов, кажется, моих больше. Есть общие. Мои, как правило, длиннее, Володины – гениальнее.

Пятницкий был великий мастер завершающего штриха. Я, например, произношу:

– Гоголь только под конец жизни о душе задумался, а смолodu у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл.

Володя добавляет:

– И не отдал.

Чувствуете разницу?

Он же закончил текст «Пушкин сидит у себя и думает: Я гений, ладно (...) когда же это кончится?» – фразой: «тут все и кончилось».

Иллюстрация к рубрике «Любимая папка Коллекциани-Собирайлова» с литературными анекдотами из жизни писателей в журнале «Пионер». Худ. В. Пятницкий

Пятницкий жил тогда у нас в семье, а мы увлекались папье-маше, лепили и раскрашивали маски в огромном количестве. Володя слепил из пластилина портреты Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского⁴. Таня оклеила их мелкими бумажками – у него на такую монастырскую работу не хватило бы терпения – а он потом раскрасил, не придерживаясь натурализма. Со временем мама⁵ приклеила им волосы, бороды и бакенбарды, а пока они висели голые и лысые, Ф. М. Достоевскому, царство ему небесное, как раз исполнилось 150 лет. Так возникла соответствующая новелла.

Что касается подражания Хармсу – конечно, оно было, самое прямое. Хотя сама я «Анекдоты» Хармса о Пушкине не читала – негде было. А Пятницкий Хармса очень любил и нам очень артистично пересказывал. Однажды ночью, на прогулке, они с приятелем, которого звали Ванькой Тимашевым (он потом сгинул куда-то), вдвоем сыграли по ролям пьеску «О, черт! Обратно об Гоголя!» – очень красиво падали.

Как у Ф. М. засорилась ноздря – чистый Хармс.

Другой источник – школьно-народные анекдоты про Пушкина (как правило, глупые и неприличные: «Пушкин, где ты? Во мху я!»). Или вот еще: помните, как царь пригласил

⁴ Фотографии этих арт-объектов размещены на форзацах данной книги.

⁵ Людмила Алексеевна Доброхотова-Майкова, в девичестве Герн (1918–2004). Подробнее см. на [тут](#).

Пушкина обедать, а стул ему не поставил. Пушкин пришел, что поделаешь – стал в сторонке. Тут царя позвали к телефону. Он так с пирогом в руке и пошел. Пушкин быстренько сел на его место, ест. Царь вернулся, встал рядом, пирог доедает, а Пушкин как будто не видит, ест себе. Царь разозлился и спрашивает: «Пушкин! Чем отличается человек от свиньи?» А Пушкин отвечает: «Тем, что человек ест сидя, а свинья стоя». Еще были такие песни про графа Толстого абсурдные, их пели все – думаю, что мы их тоже тогда знали.

В. Пятницкий и Н. Доброхотова-Майкова в общезимитии Текстильного института. Москва, 1958

Еще Володя очень любил Велимира Хлебникова – это видно по тем немногим стихам, которые он сочинил⁶. Бродского – именно Пятницкий привез самиздатовский экземпляр «Шествия» в Москву из Ленинграда, кажется, в 1961 году. Льюиса Кэрролла – нарисовал диплом по «Алисе». Еще очень ценил Акутагаву.

Название «Веселые ребята» придумал Пятницкий, когда были записаны несколько историй с картинками, и стало ясно, что получается книжка. Наше название стало потом мало кому известно, только тем, кто видел фото- и ксерокопии с титульным листом. По той же причине избежала широкой огласки Володина графически-математическая композиция про любовь бегемотов, которую наблюдал Ф. М. Достоевский (царство ему небесное), с концовкой: «И ничего сложного в этой науке нет».

Блокнот был особенный, он диктовал, как рисовать и что писать. Наверно, если бы этого чистого блокнота у нас не было, ничего бы не случилось. Мы заполняли его достаточно медленно, ходили с ним в гости, по компаниям, зачитывали им оттуда те анекдоты, которые уже

⁶ См. Приложение [тут](#).

были готовы. Народ был в восторге, кажется, уже тогда брали у нас его фотографировать. Мы отдавали копировать даже незаконченный.

Всего в итоге получилось около 90 страничек. Это все заняло зиму 1971–1972 годов. Потом мы заполнять его как-то прекратили. Может, идея себя исчерпала, или блокнот где-то гулял по друзьям.

Таня и Володя расстались, я впредь с ним вместе не работала. В нашей жизни произошли большие перемены, с Пятницким мы больше не встречались.

А «Веселые ребята» ходили по рукам, вызывая бурное веселье. Тут ненадолго на нашем горизонте появился симпатичный молодой человек Юра Клятис, фотограф-профессионал, и сделал великолепные фотокопии для нас и для себя. Помню очень хорошо этот вечер. Юра принес не только бутылку чистого спирта, но и магнитофон с «Езус Крайст», символ смены эпох, а я его раньше и не слышала (рок-опера Jesus Christ Superstar. – *Ped.*). По настоящему с этого вечера началась наша дружба с поэтессой Кари Унксовой⁷. Мы с ней пили неразбавленный спирт (экспедиционный опыт) и возносились в беседе к высшим проблемам... Она потом сочинила:

*На вертеле счастливая конина
Татарка изошла слюной
И спирт
И Езус Крайст скрипит на левом диске...*

Отпечатки, которые сделал Клятис, все куда-то разошлись. Видимо, именно с них перепечатывали тексты на машинке, уже без картинок. Один экземпляр Кари увезла в Ленинград, там «Веселые ребята» очень понравились ее друзьям – Хвосту, Волохонскому. От них в Ленинграде он пошел гулять дальше.

Потом это разошлось еще шире, стало жить своей жизнью. Кто же знал, что книжка не затеряется в первые же дни, и что мы сами про нее вспомним хоть через год? Стали говорить «Хармс, Хармс». В 1980-х приезжал к нам Глоцер, уточнить, правда ли, что это мы, а не Хармс.

В 1991 году книжку «Веселых ребят» издал Грушецкий Владимир Игоревич, один из энтузиастов свободного книгоиздательства 1990-х, у него было множество начинаний, некоторые с нами вместе, почти ничего не вышло. Книжечку он издал маленьким тиражом. Она не очень удачная, текст наборный и картинки перепутаны. Но все равно мы радовались.

⁷ Кари Унксова (1941–1983) – ленинградская поэтесса, диссидентка, феминистка. Была сбита автомобилем при невыясненных обстоятельствах, в ее убийстве подозревали КГБ.

Николай Котрелев⁸ Как я напечатал фамилии авторов

Я был одним из тех, кто первым пустил «Веселых ребят» в народ: моя фотокопия была сделана непосредственно с авторской рукописи, поскольку Володя Пятницкий был моим другом еще с конца 1950-х. В 1978 году, спустя всего несколько лет после появления этого произведения, он умер. А «Веселые ребята» продолжали расходиться в самиздате и устных пересказах, сначала по столицам, а потом по всей стране. Я тоже их пересказывал, не только читать давал.

Вполне предсказуемо, что за столько лет и такое количество копий настоящее авторство было утрачено, и их приписали Даниилу Хармсу – ведь подражание приемам было налицо. Поэтому некоторые хармсоведы относятся к ним резко негативно, как к «апокрифам». В 1980-е, когда многое стало можно печатать, эти анекдоты стали публиковать в прессе, иногда с указанием фамилии Хармса, иногда указывая, что авторы неизвестны и их разыскивают.

В конце 1980-х мне попалась не газетка, а даже целый журнал, где стояло «Хармс». Меня это невероятно возмутило – а как же Володя и Наташа! В «Советской библиографии», первом номере. Неплохая ошибка для журнала с таким названием. В нем тогда работал один мой знакомый. Это был 1988 год, и тогда уже можно было публиковать подобные вещи. И поэтому уже в № 4 он напечатал мое открытое письмо, в котором я назвал настоящих авторов этого «псевдо-Хармса». Через несколько лет Кобринский в сборнике Хармса «Горло бредит бритвою» напечатал весь текст «Веселых ребят», уже указав Пятницкого и Доброхотову-Майкову.

Потом в 2008 году в московской галерее «Романовъ» я сделал выставку, посвященную Володе и живописи. Там, в каталоге, дана подробная библиография, в том числе о «псевдо-Хармсе». А в 2010 году в Литературном музее – в Доме Остроухова устроил выставку, где была показана непосредственно оригинальная рукопись «Веселых ребят». Так что в научный оборот этот текст, безусловно, давно введен с истинным авторством. Но в массовом сознании, особенно у тех, кто слышал эти анекдоты в 1980–1990-е, это все остается «хармсианой».

Причина не только в сходстве. «Веселые ребята» появились в 1972 году, а подлинный Хармс начал гулять в самиздате только со второй половины 1960-х! Тогда в Ленинграде Мейлах познакомился с Друскиным, хранителем рукописей Хармса – Мейлах стал их перепечатывать и давать читать. Где, когда успел Пятницкий за такой короткий промежуток увидеть

⁸ Записано С. Багдасаровой.

«анекдоты» Хармса? Доброхотова-Майкова, например, их не читала – только слышала от него в пересказе. Мне кажется, что Володя (и я), наверно, впервые их прочли у знаменитого Сашки Васильева, который недолго баловался и продажей самиздата.

Александр Кобринский⁹

Как я напечатал текст анекдотов

В 1991 году я опубликовал сборник произведений Даниила Хармса «Горло бредит бритвою». Там, в приложении, поместил эти «Анекдоты, приписываемые Хармсу». Это оказалась первая книжная публикация данного текста. Конечно, эти анекдоты мне были известны раньше, так как они активно ходили в самиздате, и любому, кто был знаком со стилистикой Хармса, было совершенно очевидно, что это не его текст. Но произведение было очень талантливым, такое квазилитературное, даже пародия на анекдот.

Годом ранее, когда я в РГАЛИ работал с архивом Антона Исааковича Шварца, мне попались подаренные ему рукописи Хармса. Наряду с ними там хранилась и машинопись с этими «Веселыми ребятами». Авторы – Пятницкий и Доброхотова-Майкова, – на титульном листе были указаны, так что, возможно, это была достаточно ранняя копия, конца 1970-х годов (однако уже машинопись, без рисунков). Я решил опубликовать ее целиком, как письменный источник, чтобы покончить с приписыванием анекдотов Хармсу. К «Веселым ребятам» я добавил другие анекдоты о писателях в этом же стиле – это были материалы из «бродячих» копий, тоже попавших мне в руки¹⁰.

⁹ Записано С. Багдасаровой.

¹⁰ Их текст см. [тут](#), а анализ – [тут](#).

Вообще, случаев приписывания Хармсу чужих текстов было достаточно. В СССР издавались только детские стихотворения Хармса, а первая книга с его «взрослыми» сочинениями «Полет в небеса» (с циклом «Случаи», куда и входят его пушкинские анекдоты) была напечатана только в 1988 году. Советские люди читали его либо в самиздате, куда при воспроизведении часто вкрадывались ошибки, либо в книгах, изданных за рубежом. Например, Михаил Мейлах и Владимир Эрль задумали 9-томное «Собрание произведений» и в 1978–1988 годах в Бремене успели напечатать первые три тома, но в 1983 году Мейлаха арестовали. После его освобождения в 1988 году вышел еще 4-й том, но на этом издание прекратилось.

Были и пиратские анонимные перепечатки. Вот пример характерной ошибки: в 1991 году мы с Андреем Устиновым опубликовали в Париже в альманахе «Минувшее» дневниковые

записи Хармса. И там в комментариях упомянули рассказ другого обэриута Юрия Владимировича «Физкультурник». В итоге этот рассказ стали приписывать Хармсу и печатать под заголовком «Юрий Владимирович. Физкультурник». Как-то я присутствовал на филологической конференции, где начали рассказывать про такой «рассказ Хармса», пришлось встать и поправить.

«Веселые ребята» Пятницкого и Доброхотовой-Майковой, безусловно, важны и интересны. В отличие от подлинных хармсовских анекдотов о Пушкине, они создали некое вымышленное пространство, в котором все русские писатели взаимодействуют между собой. Кроме того, их авторы, в отличие от Хармса, использовали реальные исторические факты – например, известный рассказ о трусости Тургенева на пароходе (упоминающийся впоследствии в «Даре» Набокова) или пожар в Петербурге. Вдобавок они оказали влияние на городской фольклор и создали такую структуру «анекдота», которой оказалось очень легко следовать, что и вызвало многочисленные подражания.

Часть III

История русского самиздата через призму любви к «Веселым ребятам»

Как мы их читали, пересказывали, любили и приписывали Хармсу¹¹

Особенность «Веселых ребят» в том, что единого источника распространения не существовало, и поэтому каждый, знакомый с этими анекдотами (как вы увидите, слово «читатель» здесь использовать некорректно), имеет свою собственную историю знакомства с текстом. Мы решили записать небольшие интервью людей разных поколений на эту тему. И когда эти мемуары оказались собранными вместе, они внезапно развернулись в широкую панораму. История бытования «Веселых ребят» (вернее, уже «псевдо-Хармса») превратилась в летопись советского и российского самиздата, устного фольклора и безымянных публикаций в интернете.

Для статистики уточним: всего при написании этой главы было опрошено около 100 человек примерно одного социального слоя и схожего уровня образования, но разных поколений. Показательно, что около 65 % из них либо никогда не слышали об этих анекдотах, либо имеют о них очень смутное представление. Прочие же, наоборот, в большинстве случаев оказались страстными фанатами этих анекдотов.

Евгений Штейнер,

искусствовед, автор книги «Что такое хорошо: идеология и искусство в раннесоветской детской книге» и других /выпуск истфака МГУ–1981/

Эти анекдоты, широко гулявшие в узких кругах в качестве «историй Хармса», я увидел впервые в виде тетрадки с машинописным текстом в конце 1980 или 1981 года. Я заканчивал университет и обретался с подругой Поликсеной в веселой коммуне в Мечниковом переулке, окнами в садик ВАКа. Тетрадку откуда-то притащила резвушка Поликсена, которая была девушка, обладавшая обширными связями и начитанная во всяком сам- и срамиздате. Она-то и обратила внимание на то, что я никак знаково не реагировал на ее присказки типа «и в глаза поглядел со значением», и тут же раздобыла эту тетрадку.

Я раскрыл ее и пропал. Словарь мой на какое-то время превратился в вариант вокабуляра Элочки-людоедки. В этих историях были формулы на все случаи жизни. «А сам за спиной костыль держит» я, ласково улыбаясь, приговаривал, отвечая, например, на предложение пойти куда-то, куда я не хотел, но говоря «конечно, душенька, но можно и вот туда». В некоторых ситуациях весьма уместным оказывалось выражение «Все вертится, спать не дает». И многие другие.

Однажды мы ночь напролет играли в рулетку – самую настоящую, деревянную, привезенную чьим-то номенклатурным папой. И вдруг под утро к весело-тревожному постукиванию

¹¹ Интервью собраны и записаны С. Багдасаровой при участии Д. Хитарова. Отдельная благодарность за помощь при сборе материала Андрею Васильеву, Павлу Каганеру и Наталье Ким.

шарика прибавился незаметно какой-то иной звук. Он шел снаружи, из-за плотных штор, и был похож на тяжелый рокот и глухой гул. Все замерли и в глаза посмотрели друг другу со значением. Кто-то сказал: «Они приехали за нами». Беззаботная Поликсена саркастически возразила: «Ага, на танках!». Я подошел к окну и осторожно отвел штору. Сбоку шли танки. Тут же, почти не одеваясь, захотелось уехать в Баден-Баден. Но танки шли мимо и не сворачивали в наш переулок. Оказалось, что наступило утро 7 ноября, и танки шли на парад.

А в том, что это Хармс, я усомнился с самого начала. Веселый хулиганский юмор этих анекдотов был совсем чужд тяжелому хармсовскому макабру. Но кто был истинным автором, мне довелось узнать лишь много позже.

Виктор Кротов,

автор сказочной повести «Волшебный возок» и 130 других книг / выпуск
мехмата МГУ–1969/

Не помню, чтобы читал достаточно полный комплект этих произведений. Отдельные анекдоты встречались: булькали в котле юношеского полудиссидентского общения. Было это в первой половине 1970-х, мне было 25–27 лет. Встречал эти текстик в разных машинописных перепечатках. Сама стилистическая идея мне очень понравилась, но я долго не мог уверенно отличить, что здесь хармсовское (он тоже кочевал в перепечатках), а что стилистическое подражание. Часто это бывало перемешано. Я и сам сочинил 2–3 таких анекдота, но в самиздат их не пустил, а позже, видимо, утратил.

Что это не Хармс, я знал уже тогда, в 1970-е, но кто именно автор, мне было неизвестно. Отголоски этих анекдотов попадались в самиздате, а позже и в периодике, но изданными я их не встречал. Сам люблю притчи и жанр сказок-крошек (не больше ста слов), так что такая стилистика мне нравится, как и сам жанр анекдота. Мне кажется, подход замечательный и сыграл оздоровляющую роль во времена чрезмерной советской канонизации классиков.

Екатерина Молостцова,

преподаватель, дочь диссидента Михаила Молостцова /выпуск РГПУ им.
А. И. Герцена–1989/

Нам в 45-й интернат в Ленинграде принес распечатку Андрей Виноградов, ученик выпускного класса, мы же в 9-м классе были (1981 год?). Андрей занимался в знаменитом кружке у Вячеслава Лейкина, был весь в прыщах и линялых джинсах. Писал эпатажные, но, скорее, талантливые стихи. Я и мои подруги быстренько тексты переписали. Я привезла их к родителям, в деревню (после освобождения Молостцов не мог жить в Ленинграде. – *Ред.*), но не потрясла – им уже привозил кто-то из приезжавших диссидентов, похоже, Вениамин Иофе. Папа сказал, что это однозначно не Хармс, но остроумно. Некоторые, например «и костыль задрожал в его судорожной руке», – стали домашними поговорками.

Виктор Сукач,

литературовед, исследователь творчества Розанова /выпуск
философского факультета МГУ–1975^{12/}

Вкус его (Венедикта Ерофеева) был поразительно точный. Настолько четкий! <...> Ходили такие анекдоты Хармса о писателях, «распечатанные на» машинке <...>. Мы хохотали. Я принес Веничке, а он очень любил Хармса. И я думаю, что Хармс <...> произвел на него впечатление, как на художника. И он прочитал, и бросил в сторону. И говорит: «Это не Хармс».

Потом оказалось, что это как будто действительно так... Что это под Хармса написал Эдичка Лимонов. Действительно, они все очень похожи на Хармса, но очень уж хороши. Настолько хороши, что лучше, чем Хармс, я бы так сказал. А Хармс, это... «у него» подобные есть анекдоты, но они всегда, как бы грубоваты, «это» как бы первая обработка их. У Лимонова, если это действительно Лимонов... эти анекдоты уж очень хороши. Они настолько прекрасны... Я их до сих пор многие помню.

Галина Маневич,
искусствовед, вдова художника-нонконформиста Эдуарда Штейнберга /
Таруса, 81 год/

Что, Володя Пятницкий написал какие-то анекдоты? И они, говорите, дико популярны? Удивительно. Никогда бы не подумала, что он умеет писать. Я с ним была знакома очень давно, еще до брака с Эдиком, который у нас случился в 1966 году. А с Володией я познакомилась в 1959-м или в 1960-м. Меня с ним познакомил мой однокурсник Саша Васильев, который открыл и Яковлева, и Зверева. Он и привел к нам во ВГИК посмотреть кино этого художника. Тогда он был совершенно мальчик, такой хорошенький... Подумать только. Вот что картины его были известны, это я знаю. А еще какие-то анекдоты были?..

Юрий Клятис,
когда-то подпольный фотограф, автор повести «Фотоностальгия», отец
филолога Анны Сергеевой-Клятис /выпуск Московского полиграфического
института–1971/

Сегодня ехал домой и думал: «Где может лежать моя приватная стопочка «Веселых ребят», вывезенная мною в Израиль 33 года назад через австрийское посольство?» Но вошел в дом и сразу вспомнил – вот она, на том же месте, среди прочих умных ненужностей. Однако никогда у меня рука не посягала выбросить этот «томик», хотя свободного места в доме с годами все меньше.

Когда-то, в начале 1970-х, я дружил с одним милым семейством, жившим по соседству. Юра Крутогоров был журналист и детский писатель, его жена Иная Бабенышева – весьма начитанная и высококультурная женщина. Иногда они меня прихватывали с собой в Переделкино, где я познакомился с Евтушенко, Ахмадулиной, Межировым, Чуковской, а также просто знакомили меня с разными знаменитостями для удовольствия возвышенного и обоюдного.

Так попал я в гости к бывшей коллеге Бабенышевой по журналу «Пионер» – Наташе Доброхотовой. Мало что помню из этого визита, но осталось впечатление какого-то карнавала

¹² Из интервью для телемарафона в честь 60-летия Венедикта Ерофеева, 1998 г. (видеосъемка из личного архива И. Шурупова). Отрывок предоставлен авторами биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний».

и страшного беспорядка: гениальные дети, читающие свои стихи, стены, увешанные картинами, наряды и много табачного дыма. Позже я опять встретил Наташу в квартире Крутовых. Она была не одна, а со своей подругой, весьма умненькой, но очень курящей. Хозяева сразу ушли по своим делам, а мы остались втроем. Пили, курили и балаболили. Потом перебрались ко мне. У меня был спирт и злой турецкий табак, а к нему красивые трубки. Мы здорово накурились. Они мне дали почитать «Веселых ребят» и, если можно, попросили «переснять». Что я с охотой и сделал, так как человек я отзывчивый.

А вот отпечатывал «Веселых ребят» я уже дома, на своей кухне. Так как был я – подпольный фотограф-профессионал и чернокнижник. Фотографии страниц обычно склеивал между собой и брошюровал в тетради, делал симпатичные переплеты. Впрочем, мне кажется, «Веселых ребят» я не брошюровал, а выдал отдельными фотоотпечатками размером 13 × 18. Тираж не помню, где-то 10–20 штук всего. Все это, конечно, за свой счет – для друзей бесплатно.

Переснимал я вообще много всего – и Солженицына, и Набокова. У меня по работе была вся необходимая для этого процесса аппаратура (я был начальником отдела технической документации в одном из НИИ Москвы, где имелась кино- и фотолаборатория, репрография и офсет). В конце 1970-х – начале 1980-х моя кухня уже была завалена самодельными учебниками по ивриту, словарями. Их я делал для себя, но больше отправлял во все концы страны – потребность в них была огромной. Тиражи по теме иврита, в отличие от анекдотов, уже были немалы и не бесплатны. Передавал я экземпляры, как правило, другу и первому моему учителю иврита, ныне покойному, Юлию Кошаровскому или другим знакомым (по предварительной договоренности).

Спрос на товар был громадный, поэтому фотобумагу я покупал в рулонах и резал на гильотине. Пленку для слайдов покупал на студии бобинами, сам копировал на кухне. А проявлял мне тоже на студии «Центрнаучфильм» или на Студии документального кино.

Напомню, в те времена за это сажали, было очень страшно порой. Но бог хранил. Эмигрировать я смог только в 1987 году, после 12 лет неформального отказа.

Наталия Ким,
редактор, писатель
/выпуск журфака МГУ–1996/

Моя семья была отчетливо диссидентской: дед, Петр Якир – один из идеологов и лидеров движения, мама, Ирина Якир – помимо всего прочего, участвовала в нескольких выпусках «Хроники текущих событий». Одним словом, дом был набит самиздатом, его прятали за большими альбомами по искусству. По рассказам родителей, многое забирали во время обысков. Но это я все узнала годам к 15–16, а когда я была маленькой, то первая «самиздатская» книга, которая попала мне в руки, было Евангелие – моя крестная, Вера Лашкова, принесла для меня его, обернутое в обложку от журнала «Юный натуралист». На папиросной бумаге буквы были очень плохо видны, но мы вместе потихонечку разбирались. Конечно, в то время я понятия не имела ничего о запрещенной литературе или о книгах, изданных на Западе – их тоже было немало дома. Лет в 11 я впервые увидела папины (поэта Юлия Кима. – *Ред.*) рукотворные небольшие сборники, видела такие же сборники стихов Горбаневской, Делоне, Губанова – листала, ничего не понимала, кроме одного: об этом никому нельзя говорить. Году в 1980-м я впервые услышала Галича, а в 1985-м обнаружила большой самиздатский том с его песнями – он и до сих пор стоит у нас на полке.

Про самиздат есть семейный анекдот – когда пришли с обыском, моя бабушка Валентина Ивановна Савенкова, бывшая политзэчка, схватила с папиного стола какие-то бумаги и бро-

сила их в кастрюлю, где кипятилось белье. Когда все закончилось, бабушка робко рассказала об этом папе, и он хохотал, потому что это были его конспекты статей Ленина. В другой раз та же бабушка засунула в кошачий поддон что-то уже более криминальное, но это как раз гэбешники захватили с собой.

Впервые фразу «...и уехал в Баден-Баден» я услышала тоже от родителей, которые читали вслух эти анекдотики и погибали от хохота. Иногда, уже после, кто-то из взрослой родительской компании, выпивши, угрожающе говорил что-то вроде: «Иди сюда, я Лев Толстой, буду тебя гладить по голове до обеда!» Где-то в 1988 году я начала ходить в походы со старшеклассниками, они пели песню с припевом «Жена ж его, Софья Андревна, была совсем наоборот...», и сразу после у костра читали – была зеленая тетрадка, а там от руки – и горлалили хором: «Лев Толстой очень любил детей. Бывало...» – и т. д. Мы были все абсолютно уверены, что это «запрещенная книга Хармса». Целиком подборку увидела только в Сети, тогда же и узнала про авторство.

Отец Яков Кротов,

священник и публицист, создатель сайта «Библиотека Якова Кротова»,
один из первопроходцев рунета /выпуск истфака МГУ–1982/

Знаю эти анекдоты, но, честное слово, не я автор! В каком виде они мне попались, не помню, у меня плохая память. Но в машинописи, конечно. Я бы сказал, скорее в 1977 году, чем в 1978-м.

Среда была маленькая. Я был сам довольно активным самиздатчиком, на детей этим зарабатывал. И мой средний брат Виктор тоже. Самиздат был разный: истории про Пушкина – безопасные. Библию прятали по глупости, она не была уже криминалом. Вот «Новое Средневековье» Бердяева реально тянуло на срок.

Самиздат, если говорить о копировании, четко делился на «для заработка» и «для души». «Подражание Хармсу» было, конечно, для души. К тому же они были очень маленькие, там и денег брать было особо не за что. Что до «для заработка»: были, конечно, крупные «тиражисты». Делали в типографиях налево по несколько сотен и даже тысяч, скажем, молитвословов. Но они не в счет. А для меня это значило вот что. Зарплата 100 рублей. Двое малых детей. Страница стоит 5 копеек. В закладке 5 экземпляров, если электрическая машинка и папиросная бумага, то даже и 7–8. Значит, страница дает 30 копеек. Цена за первые три копии больше. Первый экземпляр я оставлял себе. И я никогда не печатал дважды одно и то же. И не печатал «на заказ». То есть я совмещал для души и для заработка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.